

Людмила Козлова

*Красная
Осень*

Стихи 2010—2015 гг. Избранное, т. 2

Людмила Максимовна Козлова
Красная Осень. Стихи 2010
—2015 гг. Избранное, т. 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557727

ISBN 9785448562136

Аннотация

Современная российская поэзия о настоящем и будущем, о вечном и сиюминутном, о любви, душе и человеке в этом яростном мире. От автора: Я – патриот, поэтому (именно поэтому!) стараюсь говорить правду о времени и о себе.

Содержание

Душа моя	8
Учись быть братом	9
Мир соринкой в глазу покажется	10
Когда это было...	11
Стережущие золото Грифы	12
Сон	13
Ползёт букашка	14
Мать и дитя	16
На краю	17
Суггестия	18
Народные сказки	19
Я знаю этого господина	20
Закат	21
Молчи, рыбёшка...	22
Монументы и нравы	23
Подобна смерти остановка	24
Дети лейтенанта Шмидта	25
Арктика исландика	26
А поэт? Что поэт!	27
Сквозь время	28
Путь	29
Маме	30
Осенний сон	31

Охота на мышей	32
Персеиды	33
Антихрист – мутант	34
Двенадцатая жизнь	35
Поэзия	37
Памяти сына	38
Колыбельная XXI	39
Осень, осень...	40
Волшебный кадр изменится стократно	42
На тридевятом этаже	44
Новый русский	46
Праздник	47
Весна	48
К.С.А.	49
Погладь мои крылья	50
Кин-дза-дза. Побег в XXI век	51
Ангелу моему	52
В городе роботов	53
В городе этом	54
Красная осень	56
В доме пахнет брусникой	57
Красный сон заката	58
Я – крапива	59
Дорога длиною в жизнь	60
Погибель-князь	62
Санкции	64

Дзен	66
Зонг*	67
Эпоха Лейрус квинкестриатус	69
Никому не рассказывай это	71
Биоробот	73
Я – потребитель!	74
Вот оно, счастье!	75
Пить вредно или пленённые требухой	76
Коммерческая зона	77
Катунский Джон Леннон	78
Бийск	79
Если измерить	81
Карусель	83
Ворона	84
Хорошо сидим	86
Мы попали	87
Мама	88
Пророчество	89
Хлеба и зрелищ	90
Легенды Алтая	91
Караван-сарай-страна	95
Бес Ивашка	96
Медвежий уголок	97
Когда-то	99
Херувим	100
Включаю дождь	101

Женщина и плотник	102
Война, война...	103
Серебряная нить	104
В пустыне	106
Свои и чужие	107
Кто там?	108
На рассвете	110
Даёшь самодержавие!	111
Политика	112
Узнице XX1 века	113
Украина – перемирие	114
Было ли имя моё...	115
Термиты	117
Эффект Какашкина	118
Закон бумеранга	119
Колобок	120
Мир устал	121
Моя медитация Мао	122
Цивилизация «Земля»	124
Православным	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Красная Осень
Стихи 2010—2015 гг.
Избранное, т. 2

Людмила
Максимовна Козлова

© Людмила Максимовна Козлова, 2017

ISBN 978-5-4485-6213-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сообщаю, что я – патриот и оптимист, и поэтому, именно поэтому, стараюсь говорить правду о времени и о себе.

Редактор и рецензент Николаев Н. М.

© Козлова Л. М., Избранное, т.2, современная поэзия,
2017 г

© Издательство «РИДЕРО», 2017 г

Душа моя

Памяти сына Славы

Мне снится сон, душа моя —
Наш дом, как солнце, в снегопаде.
В нём жизнь и свет! В нём – ты и я,
И кошка, вышитая гладью.
Плутовка с вышивки сойдёт
И на коленях примостится.
А время спит. А снег идёт.
И ночь жар-птицею искрится.
Мне снится сон, душа моя —
В нём жизнь и свет.
В нём ты и я.
И кошка рыжая, и выюга
метёт сто лет —
и замечает
к дому
след.

Учись быть братом

В кругу столетий, сном объята,
Горит Россия – наш единый дом.
Молчит народ, не видя супостата,
Обманут и оболган, и вedom.
Учи собрата улыбаться,
Весёлым быть и злым,
и сильным!
Так тяжелы твои утраты —
Почти смертельно непосильны!
И потому —
Учи быть братом!

Мир соринкой в глазу покажется

Кривоножицы, криворожицы

а прилипнут

да приворожатся.

Нет, не пулю, не нож, а ножницы

в спину сунут, как плюнут, стражницы.

Мир соринкой в глазу покажется.

Что не видишь, не ждёшь —

то сбудется.

За столом были други праздные.

Глядь, а вместо стола – посудница,

жестяная коробка грязная.

И водичка струится сажево,

И немытые блюда множатся.

Ангел был, всё крылом поглаживал,

А теперь вместо крыльев —

ножницы.

Когда это было...

Чуть тронешь, и тут же заплачет
Герань ароматом тоски.
Ты знаешь, ты помнишь,
мой мальчик,
Побеги её высоки,
Округлы мохнатые листья,
душисты соцветий венцы.
И душу, и сердце сиянием чистят
Цветов бубенцы.
И снова рассветную ранью
Малиновым радостным сном
Расплещутся розы герани,
И ты промелькнёшь
за окном.

Стережущие золото Грифы

Озоновая графика лесов,
Сосны немой червлёные прожилки
на снежном теле Азии зимой.
Ночной дивертисмент калёной выюги.
Мы сторожили этот континент.
Мы жили здесь на севере и юге
вдоль хвойных лент
реликтовых лесов.

Мы сторожили. Жили.
Выживали.
Нас убивали, мы вставали вновь
Душой зимы
На пустоши бессонной.
В сердцах гудит, рождённая озоном,
Тугая позолоченная кровь.
Мы вымотали жилы, выживая.
Мы рвали кожу, прожигая наст.
Сибирь в снегах – кипящая, живая.
Она, как прежде, родина для нас.

Сон

Я стала кристаллической водой —
снежинкой, веществом
из стратосферы.

Трансформеры из кремния и серы
За мной гонялись облачной грядой.

Бездонный мир предстал моим жилищем —
Кипящий дымной грязью
грязный свет.

И я была, как всё живое, лишней
На самой хищной из планет.

Ползёт букашка

Ползёт букашка.

Бегает пампушка —

Девчушка восемнадцати годов.

В микроволновке, пышен и готов,
шкворчит пирог из тысячи котов —

румяный

и питательно-приятный.

Ну, я шучу – ужели не понятно!

Пирог вполне пригоден для еды.

А вот коты – лентяи и милашки,

По-дружески приветствуют пирог.

Почти реальный,

маленький мирок.

И если бы не стук часов железный,

Пирог полезный

был бы скушан вмиг.

Но час утех и праздничных интриг

Ещё не наступил.

Ползёт букашка

В рубашке золотистой за окно,

В небесное кидаясь покрывало.

Всё это было, видимо, давно.

А, может,

никогда и не бывало.

Мать и дитя

Равноценны рождению жизни
твои миражи.

Расскажи о себе. Приближается время рождения.

Знаешь ли ты, мой бесценный,

Твоё настоящее имя?

Имя твоё – Любовь, Ненависть, Вечность, Вселенная.

Имя твоё – Золото, Железо, Медь.

Разве такому страшна Жизнестерть?

Встреча наша назначена в этом году.

Жду тебя. Надеюсь. Люблю.

Жду!

На краю

Из космоса осеннего квартала,
Лохматой, хищной, острой тишины,
Восстала тень Луны золотогривой-
Медвяный отсвет, зарево, огонь.
По краю неба мчался бледный конь,
Стуча копытом в твердь остылой нивы —
Планетной колыбели городов.
Он всё унёс – историю родов,
воинственных племён, кровавой славы —
безумную историю войны!
Из тишины теперь идёт спасенье.
В душе застыл янтарной каплей лавы
Лист осенний.

Суггестия

Дамы в нарядах а ля Вермонт, птеродонт или птерозавр,
терзая перо... ах, нет, извините... клавиатуру,
рифмуют эмоции дамские,
слёзы и вопли размазывая
на партитуру.

Плотно поужинав, ложатся спать.

А утром, друзья мои,
всё значительно хуже!

Поэтому дамы напишут опять:
«У нас душа. Нас преследует Рок.

Мы не любим холодных строк».

Не пеняя бесстыжей судьбе,
чем их, горячих, измеришь?

Они как бы пишут, а ты как бы веришь —

Их любви безграничной
к себе.

Народные сказки

Народные сказки

Когда загудят, завоют, закричат
ветра январские,

Чтобы прикрыть собою замёрзших зайчат,

Мама будет рассказывать сказки.

Дескать, детки, мороз – этот злобный дед,

Крадёт непослушных чад.

А вот на тех, кто молчат – на них и суда нет.

Детки верят, стараются – ни гу-гу!

А мороз набегу, всё гуще трещит.

Молчанье, терпение —

Заячий щит!

Я знаю этого господина

Что такое – вот этот немолодой уже гражданин?
Где-то в надстройках литературного мезонина,
Говорят, видели этого гражданина.

Сам он не пишет давно-давно,
но ищет зерно в чужих сочинениях.
Найдёт и кричит – дескать, вот оно!
Но это неправильное зерно!
Автора высечь за местоимение!
А за существительное – положена гильотина!

Но это, друзья мои, просто слух.
Я знаю этого господина.
Он хороший.
Это петух.

Закат

Пришла пора, пожалуй, друг Людмила,
Изобрести летучий самокат
или хотя бы способ варки мыла.

Или закат изобрести.

Закат!

Представь себе плакат такого свойства —

Один герой, с позывами геройства

Кусочком мыла моет рамы... Нет...

Он моет страны – под сертификат

Великих устремлений олигарха.

И мыло тает, тает, словно сахар.

А за окном горит,

горит закат!

Молчи, рыбёшка...

Давно всё сказано,
доказано, доедено, добито.
Полшага от дебета до кредита.
И два шага до ада плебисцита.
Уже лещом орудует кухарка —
На кухне рыбно, душно, дымно, жарко.
Молчи, рыбёшка – что тебе ещё?
Звонка, легка пощёчина лещом —
о, толстый рай горячей скороварки!
А впрочем, всё проходит без помарки.
Так... просто жизнь
Да битва за пятак.

Монументы и нравы

Как-то в один прекрасный момент
Монумент (не скажем, кто это был!)

Решил не сидеть праздну,
а лучше заняться делом.

И вот с тех пор на виду у всех
Шьёт тапочки, выращивает помело
Под смех детей пригожих,
и прочих прохожих.

И много другого делает разного —
Полезного, разнообразного.

Вы скажете, ну, что тут такого —

И не то можно выдумать,

Сидя годами в забронзовевших оковах.

У монументов ужасные нравы!

Ну, да —

может быть, вы и прАвы

Подобна смерти остановка

Мозги. Вторжение. Беда.
Тоска по вечным атрибутам,
по тем растраченным минутам,
убитым вскользь и навсегда.
Беги! Тотально и неловко,
Крича и падая, беги!
Подобна смерти остановка.
Вон видишь, божия коровка
Упала крылышками вниз
Не потому, что мал карниз...
Малы мозги!

Дети лейтенанта Шмидта

Вот как-нибудь начнёшь говорить с гражданином,
И очень он симпатичен —
Самодостаточен, глубок, образован.
Он знает пророка Иисуса Навина,
Правильно произносит слово «импичмент»,
Расскажет при случае историю Азова,
Теорию пассионарности Льва Гумилёва,
Да и вообще, любит всё лучшее.
Но в конце содержательного разговора
Уронит, словно нечаянно, словно бы про себя —
Что вот жил бы да жил, всех на свете любя,
В рамках душевного договора,
Да только малости не хватает
на то,
Совсем чуть-чуть —
Тысячу, две, ну, может быть – сто.

Арктика исландика

Хочу быть моллюском «Арктика исландика»
На глубине четыреста метров
в Атлантике.

Вот именно на такой глубине,
мой свет,

Мне удастся мыслить тысячи лет.

Я знаю давно-давно —

Это ни с чем не сравнимый кайф!

Жаль, тебе этого не дано!

А ты, друг мой ненаглядный,

Ненасытный, всеядный,

Жуй, жуй, глотай, успевай, хватай!

Жизнь коротка, непредсказуема
и потому жадна.

Многие, многие жалеют о том,
что она одна.

В этой, одной, не насытиться,
не напиться —

Словно лизать из мелкого блюдца.

Вот если бы дали их несколько,

Как можно было бы развернуться!

А поэт? Что поэт!

У меня за спиной убегающий мальчик – закат
Развеивает кровавый подбой листопада.
И спускается в красный, неслышно рыдающий сад
Солнце взорванным яблоком ада.
В тихом классе прибывший из прошлого бывший поэт
Рассуждает о важных когда-то и сложных находках.
Два десятка студентов скучают – за давностью лет
Эта лекция, словно ненужная плётка.
Их глаза из осенних кленовых, берёзовых сот
Простирают лучи
на запретную зону заката.

А поэт – что поэт? Он устанет и скоро уйдёт
В одиночестве грызть перезревшее яблоко ада.

Сквозь время

Ненужный смысл катился колбасой
застывшей всклень дорогой декабриной.
Страдала лень от скуки журавлиной.
Шаманил ниоткуда Виктор Цой.
Пространство шелестящее, змеясь,
Касалось рук и глаз, и ум змеился,
Плодя плоды печали и мздоимства.
Срамно смотрелись лица без прикрас.
Не изменился мир. Не изменился.

И только дети встроенным мозгам
Наивно, добросовестные, рады.
Несётся шум и гам из-за ограды —
Обед, друзья. И время – пирогам!

Путь

Михаилу Евдокимову

На перекрёстке ста дорог,
Где Ангел строг, а день уныл,
Горит невиданный цветок —
Здесь кто-то сердце обронил.

Маме

Ты спросишь, моя родная,

Кто жив от ветвей семьи?

Но то, что сегодня знаю,

То знают и соловьи.

Земные сдвигались плиты,

Кипела стена огня.

Иудами все убиты.

И только твои молитвы

От смерти спасли меня.

Крадутся, шурша упрямо,

Секунды, минуты, час.

Мне так не хватает, мама,

Твоих поднебесных глаз.

Осенний сон

Где-то бродит ни Зверь, ни Птица,

Сон не идёт, и скучна молва.

Ах, не можется, не сидится:

Где-то мама моя жива.

Где-то, где-то в лесах далёких,

Инок странствует одинок —

Это мальчик мой синеокий,

Мой единственный,

мой сынок.

Выйду и/з дому, встречу Инока —

Жив берёзы листвяный стон.

Здравствуй, деточка!

Здравствуй, сыночка!

Осень. Ветер.

Осенний сон...

Охота на мышей

Время котом камышовым шуршит и крадётся
– тик-так.

Каждый ему не товарищ, не друг
и не враг.

Кот, он – охотник.

Он любит горячую плоть.

Кот камышовые грядки не станет полоть.

Кис-кис-кис!

Берегись!

Персеиды

Сквозь кремний горячих зыбучих песков
Струятся потоки забытых веков.
Невидимый, где-то стреляет Саид
Серебряной пулей
ночных Персеид.
Ток Времени – хищные сонные сонмы
Колючих песчинок, пустынных ветров,
Мильоны забвением занесённых —
Стозвонная песнь беспощадных пиров.
И всё же, мы вечны. Мы – вольные птицы.
Летим без оглядки и страха – любя!
Сквозь кремний, сквозь Ангелов тонкие лица
Поток невесомый рисует тебя.

Антихрист – мутант

Лейурус Квинкестриатус —
скорпион-красавец-киллер.

Таков у парнишки этого статус.

Укус – в миллион ядовитых промилле.

Невозвратный, безжалостно строгий —

Выточен точной копией бытия.

Членисторукий и членистоногий —

Киллер-красавец и судия.

Лейурус Квинкестриатус —

Давно мечтает встать на крыло.

Однажды Лейурус взлетит над планетой!

Видишь, как яростен жала мрак.

Киллер крылатый страшнее любой кометы.

Что-то с планетою нашей не так.

Двенадцатая жизнь

Бродяга – расстрига по прозвищу Виллис —
Сказал равнодушно: «Нет правды и судий.
Одиннадцать жизней твоих завершились,
А этой – двенадцатой, сносу не будет».
Я верю твоим предсказаниям, Виллис,
В ромашковом платье июля рождаясь.
Враги мои все поутру *у*давились,
А я обернулась царицею *Т*аис.
И в царстве моём разлетаются птицы,
На небе рисуя цветы траекторий.
И ночью мой путь освещают зарницы.
Свобода – вот лучшая из историй.
Ты прав, одинокий задумчивый Виллис —
Ты знаешь, о чём говоришь, бедолага.
Навечно с тобой на Земле поселились
Мы – звёзды ночные июльского флага.
Тебе, моему безымянному братцу,
Я завтра рубашку ромашками вышью.
Мы будем полынной пылью притворяться,
Сорокой, синицей, летучею мышью.
Так что же, мой друг, соглашайся скорее,
Ведь я, как никак, урождённая *Т*аис.
Ромашки мои твоё сердце согреют.

О прочем уже
и сама догадаюсь.

Поэзия

Автоответчик сказал – не слышу,
говорите громче, мадам.
В это время дождь молотил по крыше,
Под окном матерился мальчик —
шустрый не по годам.
Говорила громче, но в трубке пусто —
Эфир искрил и гудел, как ночь,
в ответ.
Была и сказочником и златоустом,
Но выяснилось, там – никого нет.
Ну, что ж, говорила сама с собой —
А, может, с Богом была беседа.
Иногда из бездны всё же слышалось – бой,
Иногда – победа.
Даже если всё это странно слишком,
Всё равно – говорите громче, мадам,
Ведь за окном бегаёт всё тот же мальчишка —
Шустрый, не по годам.

Памяти сына

Умирать надломленным цветком,
Рвать одежды,
жалость принимая...

Я в ночи мечтаю о другом —
о *тебе* печаль моя немая.

Над обрывом руку протяну —
Помогу...
Но падаю, любимый.
Серебром ручей бежит по дну —
Сквозь меня
летит невозвратно.

Жжет меня студеной вода.
Я тебя не встречу никогда.

Колыбельная XXI

Ветер знойный,
Как брюнет,
В сон-трубу качает сутки.
Где-то в мае —
Спасу нет —
Расцветают незабудки.
Над планетою Земля,
Над весенним неуютом,
Слышен голос короля:
«Три минуты.
Две минуты...»

Наконец,
окончен срок
И пришла пора прощаться.
Навсегда уснул сынок,
Чтоб назад
не возвращаться.

Осень, осень...

Осень, Осень,
Скиталица дикая!
Пламень твой обжигает,
Сестра.
Журавлей поднебесному крику
Погибать
В сердцевине костра.

Жар оранжевый
Золото плавит,
Но уже не вернётся назад
Тополиной,
Берёзовой лавой
Драгоценный сентябрь-листопад.

Невозвратно горит,
Догоряя,
Злато-пламень последнего дня.
То ль повеяло
Холодом Рая,
То ли Ад соблазняет меня.

Я пойду в золотом и весёлом.

Ненавистное царство
дождей
Побеждают дороги и сёла,

Воля вольная, дальние доли,
Вековечное братство
людей.

Волшебный кадр изменится стократно

Вот собрались мы
в комнате одной —
Столетний дед на вытертом диване,
Ленивый кот
в мечтательной нирване
Декабрьских снов —
в реальности иной.
Фигура третья – женщина-зима,
То я сама – хозяйка и сиделка.
Быть может, для тебя всё это мелко,
Зато, вокруг такие терема —
Заснеженные ели и берёзы,
Сосновый звон,
сугробы да морозы
И в серебре до маковок
дома.

Спустя минуту, месяц или год
Волшебный кадр изменится стократно —
Мой подопечный, мой отец, уйдёт
За мамой вслед – тропую невозвратной.

Ему всё время кажется – она
Живёт в соседнем домике бессменно,
Его родная милая жена,
И он её отыщет непременно.

Ещё пока сумею вызнать путь,
Ведь я сиделка – всенощная птица.
Я догоню отца, смогу вернуть,
Душа его
Назад
не возвратится.

На тридевятом этаже

Я в полдень
тайное услышу —
Мостятся голуби под крышу
На тридевятом этаже,
Где синька неба зноем дышит,
И ветер бродит неглиже.

Вон там,
на узеньком карнизе,
Воркует рьяно мальчик сизый
И суетится день – деньской.
Цветные облака нанизал
На нитку холода изгой —
Бродяга Ангел,
друг беспечный.

Он променял свой статус вечный
На волю вольную Земли.
Никем не признан, не замечен,
Летает вороном вдали.

Коль не хотите, так не верьте,
Ему наскучило бессмертие —

Отныне в крылья ветер бьёт.

Но только вот что —
в стане смерти
Паденьем кончится полёт.

Летай же, Ворон, птицей вольной —
Ещё и времени довольно,
И много сил, и светел глаз,
И сердцу
от простора больно
Сейчас.

Новый русский

Под горой, под горою
На склоне крутом
Рвётся к небу крестовый
Узористый дом.

Кружевными поверьями —
Дым из трубы,
И подкова над дверью —
Корона Судьбы.

Корпус крепкий кедровый,
Рисковый полёт —
Это новый сибирский
«Титаник» плывёт.

Праздник

Я помню день
забытый, знойный,
Высокий, летний, заунывный.
В такие дни кончают войны,
меняют доллары на гривны.
Решают жить, дружить и верить,
Держать распахнутыми двери
И вместе Моцарта играть.
Любить, как родину, подругу,
Беречь родимую округу
И никогда не умирать.

И ощущают чьи-то плечи
И рук тепло, и пламень слов,
Простое счастье человечесьё,
Любовь!

Весна

Так поздно солнце
вышло из-за туч,
Что луч его окрасил город алым.
И вспыхнули вершины горных круч,
И темноты, и тяжести не стало.
И засветились алые дома,
И древние старушки улыбнулись.
И стало ясно – кончилась зима.
Свобода!
Солнце!
Звон зелёных улиц!
Весна сегодня гонится за мной,
И, может быть, я в этом виновата.
Иду к тебе по улице цветной,
По алому сиянию
заката.

К.С.А.

Стрелы взгляда – ты меток,
Так стреляют в зверьё.
Где-то в памяти клеток
Бьётся сердце твоё.

Где-то в памяти осень
Нас уносит в рассвет,
В тополиную просинь,
В то, чего ещё нет —
В дали Чуйского тракта,
В притяженье разлук.
Ты – находка, утрата,
Мой единственный
друг.

Снова синие ставни
Впустят лучик звезды.
Мы с тобою восстанем
Из смертельной беды,
Из полынного дыма —
Страшной горечи лет.

Мы уйдём молодыми
В необъятный Рунет.

Погладь мои крылья

Погладь мои крылья,
Любимый,
Мой Ангел,
Мой Ветер Лесной.
Чужое проносится мимо
Горючими клочьями дыма
Сорочьей, синичьей весной.
Расплавленным
золотом лужи,
луна и цветок фонаря.
Всё в мире
Забыло о стуже.
Весенней заботой горя.
Но где-то
В зелёном засилье,
В берёзовой глубине,
Найди меня, милый.
Погладь
Серебристые крылья
Мне.

Кин-дза-дза. Побег в XXI век

И вот мы замыслили
наш побег —
И убежали,
как Вася – школьник.
Нас удивил XXI век —
Бермудский многоугольник.
Здесь люди,
как волки лютой зимой
И в «Мерсе», и в электричке.
Вот потому-то,
Четланин мой,
Достань из кармана
спички.
Единственный малый
Живой огонь
Тебя обогреет, друг мой.
У человекав хладна ладонь,
и кровь закрашена клюквой.

Ангелу моему

Сыну

Ветром воет, собакой лает,
Чёрным лешим глядит в окно
Ночь осенняя, скука злая,
Да прогнать её – не дано.
Эхо носит, стучит по крышам
Серебром – ледяным дождём.
Ты не слышишь меня, не слышишь,
Не найдёшь одинокий дом.
Ставлю свечку в светёлке старой —
Ангел светом души ведом.
Хлещет дождь беспросветно, яро,
Лает ночь – не пускает в дом.

В городе роботов

Один знакомый, с Севера, говорит —
мой город мёртв.

Другой, с Юга, говорит – живу в городе мёртвых.

Третий, с Востока, вторит – мой город мёртвых орд.

Все другие, с Запада (их много),
говорят что-то того же сорта.

Я в городе роботов давно живу.

Ау, где живые?

Ау, ау, ау!

В городе этом

В городе этом, по самые окна заваленном листьями,
Люди, как мыши, шуршат непотребными мыслями.
Бабочка жёлтая странно сквозит
в листопаде,
Кратким обманным теплом уносимая в ад.
Славные тёти и столь же бомжистые дяди
Лезут бутылки собирать в городской палисад.
Осень. Октябрь.
Обнажилась разруха-старуха —
Грозно грызёт, догрызает старинный пассаж.
Выбиты окна. В провалах печально и глухо
Воет сквозняк да гуляет купеческий страж.
В доме разрушенном есть неприметные двери —
Вход на второй, сохранившийся чудом этаж.
Там, под высокими сводами ангелы-звери
Эры купеческой помнят былой эпатаж.
Помнят обеды и танцы, девичьи фигуры,
А по утрам колокольный серебряный звон.
Нынче этаж называют отделом культуры —
Глупая шутка купеческих новых времён.
Было бы, впрочем, наивно
искать здесь чего-то иного —
в схроне руин

на разрушенной улице
графа Толстого.
2014 г.

Красная осень

И жизнь и смерть, и слово – в божьей власти.
Ты, мальчик, чей? А я уже ничей.
Не выплакать ни счастья, ни несчастья
Тоске моей, исполненной очей.
Поля и веси тонут в красном дыме,
Летит журавль-мальчишка из гнезда.
И птицы нарождаются седыми,
И лето не вернётся никогда.
Дробится город в лужах на осколки,
Оранжевый дрожит калейдоскоп.
По улицам разгуливают волки —
Ах, это люди плачут без умолку,
Читая злой осенний гороскоп.
Листвой забиты сонные тропинки.
Ты, мальчик, чей, исполненный очей?
Сегодня не крестины, а поминки —
И я уже ничей.

В доме пахнет брусникой

В доме пахнет брусникой, грибами белыми.
Солнце играет – оранжевый блик в окне.
Кажется, самое важное дело не сделано.
Но, может быть, это – всего лишь кажется мне.
Длится день, плачет злой телефон, запрятанный
под подушку – опять помешал во сне.
В незащитной душе, понарошку прикрытой латами,
Кто-то бегает, кто-то думает о весне.
Но мечтателю этому трудно живётся осенью,
Был приказ экономить жестоко на всём и всём,
потому что без спроса – восемью восемь
Жизнь умножила тяжесть того, что несём.
По плечу ли ему, записному мечтателю,
Время в дырочках от свинцовых пуль.
Кто-то дырки пытается заровнять шпателем,
Но заравнивает будущие май, июнь, июль.
Смертельный номер – жизнь пополам с данайцами.
Но мечтатель – надеется всё равно.
Одуванчики ясноглазые снова ему приснятся.
Жизнь – обман, мираж, наваждение, но...

Красный сон заката

В шелка листвяной бури, в их огонь
Вплетает ветер красный сон заката.
Принцессу Осень ждёт летучий конь,
Но разве в том принцесса виновата?
Да место ль ей в асфальтовой беде,
Босой, привольной и простоволосой?
Сгорает Время, Жизнь.
Уходит осень.
Кармин и пламень всюду и нигде.
Обшарпанный автобус громыхнёт,
Лаская шиной ямы да ухабы.
Но дремлет лабиринт бетонных сот —
Так спят веками каменные бабы.
Уходит осень – что ей, золотой,
Прозрачный дым над крышами летящий!
Он пахнет человеческой бедой —
Таинственной, жестокой, настоящей.
Сгорает время... Всё в костре сгорит.
Когда и камень в пепел обратится,
Из недр восстанет огненный пирит.
Но осень эта – нет, не повторится!

Я – крапива

Я бы верно служила царю моему. Я сама!
Я бы точно служила, когда бы могла и умела.
Не дарила бы силы сверкающей искре ума,
Притворилась бы вечнозелёной цветущею розою белой..

Не удержишь потока колючих, как ёжики, дум,
Жизнь моя на крапиву – бродяжку так странно похожа.
Сжѐг царя моего мой крапивный безжалостный ум,
Обернулась цветущая роза какой-то случайной прохожей.

Я бы верно служила. Но я не сумела – прости,
Я крапива. Я жгучее, друг мой, растенье.
Где мой царь – команданте? В далёком *железном* пути.
Да и где я сама —
та, готовая быть
зачарованной тенью?

Дорога длиною в жизнь

А.К.

1.

Придёшь в сей мир, и вот тебе награда —

Игрушка-Жизнь. Играй себе, играй!

Подарочек от Бога и де Сада —

Играть людей, чертей – посланцев ада,

И всуе поминать любовный рай.

Но мальчику вот этому – сломали

Его игрушку. Кончился завод.

Ни горя, ни заботы, ни печали:

Он без игрушки – мёртвеньким живёт.

Ушёл в себя, не ведая иного —

Всё дальше вглубь его уводит путь.

Он слышит, но не чувствует ни слова —

Поломанной игрушки не вернуть!

2.

Включились запретные датчики —

я знаю, так пахнет беда.

Душа моя плачет о мальчике,

ушедшем в себя навсегда.

К любимому дому, далёкому —

мальчишку ведёт естество.

Те царства, где око за око,

Теперь не достанут его.
И всё же не скажешь иначе —
Я знаю, так пахнет беда!
Душа моя *плачет* о мальчике,
ушедшем в себя навсегда.

Погибель-князь

Чужой пришёл и в горницу стучится —
Я, дескать, ваш сосед – торговец пиццей.
Я вам принёс чудеснейший пирог:
С приправой – ювенальной юстицией.
И вот уже мостится за порог.

И мы – почти товарищи пришельца
Или играть готовы таковых.
Но кто-то спохватился – это ж Ельцин!
И сыт, и пьян – живее всех живых!

Когда одним мизинчиком в содоме,
То и хозяин – не хозяин в доме.
Спроси его, где денежки лежат?
Они зарыты в праздничную пиццу,
А пицца – выпекалась за границей
из ядовитых мидий и ежат.

Свиной порядок – вот закон содома.
Хозяин кровью не марает дома.
Чужой придёт – повсюду кровь и грязь.
Ему и день и ночь, а всё – кладбище!
В пустых мозгах разбойный ветер свищет —

Рогатый ферт,
Свинец,
Погибель-князь.

Санкции

На радостях говяжьей туши
Растут в цене, ну, хоть убей!
Пророк Матвей торгует грушей,
На рынок тащит голубей.

Всё дорожает, друг-приятель,
И вздорожать ещё не прочь,
Но рад партийный обыватель
Производителю помочь.

То наш ответ с большим приветом
На европейский аусвайс.
И одобрительно с портрета
Крымнаш приветствует Чубайс.

Он наш, сознательнейший архи,
Такой простой, КАК ТЫ – точь-в-точь!
Он шёл геройски в олигархи,
Чтоб нашей Родине помочь!

Мы любим наших олигархов —
Патриотичных пареньков,
чья жизнь, друзья мои, не сахар,

В тисках финансовых оков.

А между тем, говяжьи туши
Критиковал в трудах Тацит.
Пророк Матвей торгует грушей,
Да и картошка – дефицит.

Дзен

Великий Будда определил: любое дело —
пустой избыток.

Жизнь – воробьиная песнь смертника
в Саду Пыток.

Мир создан из ничего, создан давно и зря.

Успевай рассмотреть себя,
пока не взошла заря.

Дзен – искусство познать себя,
пока не выгорел изнутри.

Не говори ничего, не говори.

Не нужны слова, мелодии —
только дождя шорох,

Только сердце – горячий порох,
Выжигающий изнутри.

Дзен – самозваная капля дождя,
выговаривающая

«умри!».

Зонг*

(Голос рабыни – 2015 или Атлантида – наш дом)

** «Зонг» или «Невольничий корабль» – картина Уильяма Тернера, на которой изображён терпящий крушение во время шторма невольничий корабль. Хозяева сбрасывают связанных рабов в океан, освобождая трюмы, чтобы спастись самим. Картина 17 века до сих пор остаётся символом цивилизации планеты Земля.*

Меня влекло туда, где за стеклом
Вскрывался день, обременённый тайной,
Где всё цвело, взрывалось и текло,
Где Вера Странствий трогала чело,
И шторм гудел над миром не случайно.
Пришла пора меняться и менять,
Достать из-за картины новый ластик.
Пришла пора незнать применять
И отменять бетон и стеклопластик.
Я погружаюсь, друг мой, в океан,
В глубины шторма, ветреные сонмы.
Сливаясь воедино Инь и Ян,
Меня рождают заново бездомной,

Свободной, одинокой, золотой.
И я плыву, пророчица Царь-рыба,
Одаренная Божьей немотой,
В подводном царстве
царственных Карибов.
Несёт меня Божественный поток —
Солёная, но бережная сила.
А кто-то скажет – видно, Бог жесток.
Но я об этом именно просила.
Там, на картине, пусто и светло —
В руке Архангел держит
тонкий ластик.
Душа пробила ломкое стекло
и позабыла жечь и стеклопластик.
Но одного понять мне не дано —
Зачем по кругу странствует планида,
И Атлантиды терпкое вино
На дне похоронила Артемида?
Я не спрошу намеренно, друг мой,
Зачем в песок и камень пали гунны,
Ведь я плыву туда, к себе домой,
Где под ногой мерцает
жемчуг лунный.

Эпоха Лейрус квинкестриатус

Человек в летаргическом сне
и не выйдет из комы.

Надвигается мир потепления,
мир насекомых.

Синий дождь на высоких ногах
через горы шагает —

День, неделю и месяц шагает, и два.

Наступает вода.

Наступает эпоха другая.

Что ж, готовься – тебе пригодится
твоя голова.

Мир изменится, друг мой,

до атомов и до ионов,

Динозавры проснутся

сквозь времени каменный треск.

И в новейшие крылья обрядится

род скорпионов —

Их фантомное облако

станет кошмаром небес.

Познакомьтесь —

Лейурус Квинкестреатус,

скорпион красавец, киллер,
Укус в миллион ядовитых промилле.
Невозвратный, безжалостно строгий —
Выточен точной копией бытия.
Членисторукий и членистоногий —
Киллер-красавец и судия.
Однажды Лейурус взлетит
над планетой!
Видишь,
как яростен жала мрак.
Киллер крылатый
страшнее любой кометы.
Что-то с планетою нашей не так.

Никому не рассказывай это

Семечко Времени однажды травинкой взошло,
Расцвело Васильком
поднебесного цвета.

В его колокольцах – Добро и Зло.

Умоляю тебя —

никому не рассказывай это!

В его колокольцах – Жизнь и Смерть,
Любовь, Ненависть, Бессмыслие, Мука.

Ничего в этой Жизни не нужно уметь,

Потому что Жизнь —

живородящая сука.

Просто родился, учился, жил,

Просто исчез – слово такое: «умер».

Душу выматывал и, всё-таки, сокрушил.

Вот и замолк твой щенячий старательный зуммер.

Вот и состарился Времени Василёк,

Отлетели его поднебесные колокольца.

Успокоился, упокоился,

в землю песчинкой лёг.

Кобра Смерти сомкнула

стальные узорные кольца.

Где он, твой синий волшебный

живой Василёк,

Любовь, Ненависть, Бессмыслие, Мука?

Только и всего – в землю сырую лёг.

Слышишь, вокруг тишина —

Ни ветерка!

Ни звука!

Биоробот

Каркас телесный – биоробот —
Танцует зомби-тарантеллу.
Жесток и беспощаден опыт
Души, вмещённой в кокон тела.
Она, пленённая от века
В тисках костей, в скафандре кожи,
Должна исправить человека.
Эксперимент бессмыслен, ложен!
Смирись, Господь, оставь гордыню —
Разъедини несовместимых:
Не помещается святыня
В пределах мнимых.

Я – потребитель!

Мы добрались до сладостных времён.

Я сам себе – стратег-наполеон.

Я сам себе – творец-домохозяин.

Я сам, один! Я – город и район!

Я солнцелик, велик и осязаем!

В окрестном мире – прах, песок и тлен,

И там никто пока не встал с колен.

И все они, конечно, не у дел.

Я сам – король

в алмазном королевстве.

Ну, может быть, я где-то перебдел,

зато на ужин

есть

сосиска в тесте!

Вот оно, счастье!

Жизнь – это вместе есть сыр,
Ты – Мышка, я – твой Батыр!
Имеющий уши да услышь —
Предскажу будущее, окажу честь.
Встретишь единомышленника, Мышь,
Станете вместе сыр есть.
И не будет лучше вас едоков,
И не будет Любви сильнее-вкусней.
Все остальные – мир чудаков,
Не видят жизни, не знают о ней.
Жизнь – это вместе есть сыр.
Привет, моя Мышка!
Привет, Батыр!

Пить вредно или пленённые требухой

Мохнатые, пузатые, тигриные
Мелькают осы в тачках за окном.
Миазмами убойного зарина
Вписался в листопад запойный гном.

Сивушным перегаром переполнен,
Взлетел вонючим шариком в зенит.
Воздушные его кидают волны,
А он, не знамо чем – звенит, звенит.

Вот так и улетел в просторы неба,
Хотя – кому он нужен там бухой.
Была картинка зла и непотребна —
Таков итог пленённых требухой.

Коммерческая зона Некоторым, мнящим себя великими

Сметая травы хилого газона,
Косец косит под внука всех чертей.
О, город – алетейя алетей,
Свободная коммерческая зона!
Здесь каждый отличиться норовит —
Товаром сделать даже пару строчек.
О, я – прозаик, царственный пиит!
Любой мои труды прочесть захочет.
Куда спешишь, пучинный таракашка,
Незнамокто, прелестник, червослов?
Не просто мелок – мелочен улов
И жалок, словно драная рубашка.
Гордыня, брат,
весьма прельстива лягва —
Фасад, фасад, реклама – бесов дар.
Испей-ка из копытца – «Злато-аква»,
Залей содомской жадности пожар!

Катунский Джон Леннон

Дебют в Катунь Бирюзовой
(О, эпохален сей дебют!)
Фанатам рОковых тусовок
Маэстро Леннона дают.
Прекрасен мрамор плащаницы,
Вполне естественен Христос.
Там диск виниловый струится,
Там жук ползёт, торгуют пиццей —
Культурный уровень подрос.
Уютно необыкновенно,
Но промах скульптор допустил —
Похож на Сноудена Леннон.
Похож, ну, просто нету сил!
Вот так на фоне горной пиццы
Христос и Сноуден навек
Смогли легко соединиться.
Лишь стоит чуть подсуетиться,
Всё может русский человек!

Бийск

То ливни бьют,
то жарит солнцебог.
Кержацкий град
лежит в торговой коме.
И каждый, кто до нитки не промок,
Люля-кебабом млеет на пароме.
По берегам ристалища осок,
Русалка завораживает лето.
И всякий обыватель, если б мог,
Завлѣк её блесной или конфетой.
Хрусталит во/ды август золотой,
и уходить не хочет наводненье.
Кержацкий город славен простотой
Неве/дня, незнания сомненья.
Торговых улиц хитрый коготок
Вонзает в глаз соцветия рекламы.
Шатѳр цветной – услужливый лоток,
Сто пятый клон – дацан святого ламы.
Здесь всё – товар, китайский божий дар
От разномастных тканей до булавки.
Носки, перчатки – символ брачных пар,
С портретом Пу ночные камилавки.
Китайский лама всем душевно рад,

Кержацкий говор выучил отменно
Торговый град, почти наукоград,
Ну, или станет оным
непрерменно.

Если измерить

Если измерить на вес откровенья журналов
московских,
Псковских, сибирских
и тьмутараканских (о, да!),
Тяжести их
позавидуют смертные доски,
В текстах увязнет навек Золотая Орда.

Если измерить на вес
олигархов российских загашник —
Псковских, московских, сибирских
и тьмутараканских (о, да!),
Тяжесть его
пошатнёт Вавилонскую башню,
Столько бабла никогда не имела Орда.

Если измерить на вес
простодушье народных холопов —
Псковских, московских, сибирских
и тьмутараканских (о, да!),
Их простодушие
больше журнального трёпа,
Больше того,

что возьмёт с олигархов Европа,
Больше того,
что когда-то имела Орда!

Карусель

Смешалось всё – трагедия и фарс,
Как некто Ельцин с путчем августовским —
И в перигелий движущийся Марс,
И с обнажённым торсом Хворостовский.
Гуманитарный груз и Красный крест,
Пропавший где-то в дебрях Украины,
И воробьи, поющие окрест,
И Боинга расстрельные руины.
Недаром, брат, мне снилась карусель
И впавший в детство батюшка Егорий.
Мы жить успели, но отсель – досель.
А дальше – карусель фантасмагорий.

Ворона

На высоком тополе горюет ворона —
Скрипичный ключ вороньего стона —
Гнездо, разорённое человеческим клоном:
Любит он, больше жизни,
крушить-ломать.
Ворона ли это?
Безутешная мать!
Плачет ворона, горюет скрипка,
Вечер крадётся
в картофельный город дач.
Человек – не зверь, не птица,
просто ошибка —
То ли дьявола радость,
то ли Божий калач.
Позолоченным запахом канифоли
Продолжается запах горючей боли.
Выгорает что-то неведомое, живое,
Смычок, смазанный канифолью, воет.
Плачет скрипка – ночное чадо,
Плачет, значит, вот так и надо.
В небо стучится
её канифольный плач.
Там,

над картофельным городом дач.

Хорошо сидим

Странное утро туманное.
Через туман прорывается гром —
То ли грозы гремят, то ли манна
Небесная
Перекатывается в нём.
А вот и манна падает сытным дождём.
Ждём-пождём, не дождёмся, когда
Упадёт прямо на стол утренняя еда —
Пирожки со вкусом – с пылу-с-жару,
Кофе, сливки.
Вот такая беда!
Ну, что ж, если ударит молния!
Быть пожару!
На всё – божие предписание!
Пожар пожаром,
А завтрак по расписанию.

Мы попали

Узконосные человекообразные —
Виртуалы, попавшие в сеть,
Как вам в этой сети висеть?
Ах, удобно, приятно, классно!
Тролли врут, что в сети опасно.
Мы всеядны, но осторожны,
Соображаем, что нельзя, что можно.
Есть, говорят, Некто Над Сетью,
Но мы не видим его, не знаем.
Некто – это, должно быть, такой добрый Йети,
Что-то среднее между конфетой и раем.
Тролли врут, что это Паук —
Пауков выдумал Интернет.
Тук-тук, отведай, мой друг,
Информационных котлет —
Пища наша!
Вкусней
Ничего
Нет!

Мама

Они говорят – со мною одни проблемы.

Я говорю – проблемы ваши!

Для них – неразрешимая дилемма:

Лапша на уши или поварёшка каши?

Они выбирают лапшу.

А я стряхну их сырые спагетти

И снова Правду пишу.

Они раскинут магнитные сети,

А я, мама, их сокрошу.

Они говорят – ах, как здесь хорошо —

Лужок зелёный, берёзы, осины.

А сами глазами погибельными

Тянут во хлябь трясины.

Отведи от меня доброжелателей,

жару, мошкару,

Оценщиков тряпья и хлама,

Дарителей дармового спама,

Холоднокровных железных гуру,

Всех отведи от меня, мама!

Из твоего далёкого высокого

Золотого Храма,

Помоги, мама!

Пророчество

Будет жизнь принимать невозвратно крысиные формы,
В низовые пещеры и норы прессуясь тайком.
Разродятся вулканы чудовищем чёрным.
Мы с тобою по берегу моря уйдём босиком.
Мы покинем взъерошенный мир новострасти —
Эту зону шипящих хитиновых тел.
Мы ведь помним, какое оно, настоящее счастье.
Видишь, Ангел за нами уже прилетел.

Хлеба и зрелищ

Знаешь ли ты, о, владелец сердечных отмычек,
Мудрость печальна, опасна и следует в ад —
Истинный разум, он зряч и токсичен!

Хлеба и зрелищ – вот всё, что живые хотят.
Дружно и плотно, привычно шагают на месте,
Там, где вчера ещё памятник чей-то сидел —
Камень не выдержал лжи, равнодушия, лести.
Эти же дружно шагают на месте, на месте —
разум не нужен,
когда коллективно и вместе!

Разум токсичен,
а значит, всегда – не у дел.

Легенды Алтая

ШИПОВНИК – РОЗА МЕТАНОЙЯ*

1.

Памяти брата Николая – ночного велосипедиста

В час сумерек туман восточный мглист,

А в нём, не зная страха и простоя,

Летает призрак – велосипедист.

Бесшумно, ниоткуда возникая,

Летучей мышью, тенью промелькнёт.

Должно быть, у него судьба такая —

Ломать пространство сумрачных тенёт.

Несёт велосипед его крылатый

В зрачок Луны, взорвавшей горизонт.

Так чётко силуэт на горном плато.

Зарницы. Ночь.

Алмазный звёздный зонт.

Хранят вершины тысячи историй,

Здесь Дух с людьми на равных говорит.

Шиповник – роза диких плоскогорий

Благоухает.

Млечный Путь искрит.

Роза метанойя* – плетистая крупная роза

2.

Лежала себе в своём ледяном саркофаге

Принцесса У-Кок – золотая тату.

Но вот появились толпою ученые фаги —

Солнечным светом казнить темноту.

Быть беде – говорили, ворчали шаманы.

Быть беде – шелестели июльские травы.

Здрожали скалы, спустились в урман туманы.

Верховный Дух из кубка плеснул отравы.

Сорок скал провалились в подземные схроны,

Воды взбесились, забыли плен берегов.

Зачем чужие руки коснулись короны,

Каменной тайны, хранящей покой веков!

То ли будет ещё – говорят и теперь шаманы.

Быть беде – города украдут людей.

А в горах над рекой

Поплывут, оживут туманы,

Облака, похожие

на белых лебедей.

3.

Где-то в горах на плато У-Кок

Когти точит седой Дракон.

Если синицей взлететь не смог,

Примешь на плечи его Закон.

Всё стерпи да не смотри в глаза —
Сердце неба Дракон украл.
Скоро скалы порвёт гроза —
в мире родится шаман Марал.

Слово его – золотой Закон,
Слава его – небесный хорал.
Был силён да пропал Дракон.
Время правит шаман Марал.
Вечна времени круговерть —
Жизнь бессмертна,
Мгновенна смерть.
Дух Цветения, сотвори
Цвет маральника —
свет зари!

4.
Окраина окраины – Алтай.
Алиса, твой мудрец Шалтай-болтай*
Рассыпался и к нам упал на кручи
Снегами расчленённой ветром тучи.
Зацвёл маральник в день пурги черёмух.
Шалтай-болтай, а ты, мой друг, не промах —
Ты знал о перевалах и паромах,
О том, как зло цветёт в горах сирень,

Спят идолы на древних космодромах.
Шалтай-болтай, берём твои дары!
Смотри – Башкаус прыгает с горы
И серебром кидается летучим.
В пустынных кручах выстрелит цикорий,
Восстанет на утёсах Марьин-корень.
Тропа всё у/же. Вьюжит наверху.
В меху кедровом прячется кедровка.
Синица сообщает: «Здесь-Ал-тай».
А вот и небо, друг Шалтай-болтай!
Здесь жатва Духа и его посев.
Большое небо – общее для всех!

* Шалтай-болтай – персонаж сказки Льюиса Керрола
«Алиса в Зазеркалье»

Караван-сарай-страна

Торговые плодятся супермонстры,
Как слухи про холодный термомод.
И каждый Змей-Горыныч Коза Ностры
Бенгальским светом доллара объят.
И даже там, в районах приболотных,
Где «нариков» съедает брат Кощей,
Друг к другу притулившись зло и плотно,
Торгуют концентратом кислых щей
И пустотою кубиков бульонных,
И всячиною всякой на развес,
Китайских безделушек миллионы
На полках безразмерных и бездонных —
Спаси меня, любимый МЧС!
А, впрочем, пусть играют зазывалы
В азартную игру – а мне-то что!
Мне дела нет! Мне это – ёлы-палы!

Народ доволен, радостен?
А то!

Бес Ивашка

Ночью с полки свалилась книга
И открылась на слове «фига».
Бог тебе – не сосед Ивашка,
Не гадалка с ромашкой-решкой.
На! Прочувствуй всю прелесть мига —
В этом мире ты просто пешка!
Бог, ну да – не сосед бессменный,
Да и я поддаюсь не вдруг.
Ставлю книгу на край Вселенной —
Пусть синицей летит на юг.
Много слов в этой книге-птице —
Дальний путь, неизвестность, рай,
Здесь – предать, там – душой трудиться.
Выбирай... рай, рай, рай...
Не броди средь оград-преград —
Там бетонное слово «Ад».
Ночью книга с небес слетела.
Птица Рая осанну пела,
Дожидаясь начала дня.
Расцвела под окном ромашка,
и сорвал её бес Ивашка.
Для меня.

Медвежий уголок

Очнёшься утром в космосе Земли,
Где крик петуший гонит вурдалаков,
Дорога упирается вдали
В большую вазу сладких козинаков.
Протянешь руку к чашке кофею,
Зевнёшь и снова таешь на боку,
Вокруг цветут кипрей, душица, донник.
Нечаянно уронишь телефон
В траву – за подоконник.
Махнёшь рукой – а ну его, и пусть!
Я всё равно обратно не вернусь.
Но птица-провозвестница сорока
Бесстыдно расхохочется до срока.
И вдруг бродяжкой-мышкой издалёка
Прошелестит невидимая грусть.
Достанешь телефон, а он назло
Вдруг запоёт на жутком новоязе.
Не повезло, опять не повезло —
Мой Домовой-суседушко на связи.
А я ему в подарочек – стишок
О том, как лето прыгает с карниза.
Мой позывной: «Прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо!»

Но этот самый умник-Домовой
Такой поднимет заполошный вой,
Что, дескать, без тебя не жизнь – отрава.
Прав Домовой, ведь он имеет право.
Присяду, пригорюнясь, на пенёк:
всё решено, а прочее – забава:
Я не вернусь! Ну, разве на денёк?

Когда-то

Тот прежний город – он внутри меня,
Прикинувшись безделицею дня,
Гнёт улицы пустынным лабиринтом,
Дома рисует методом репринта,
Трамвайным звоном в прошлое гоня.

Коронами воздушными искря,
Трамвай в песок кидает якоря,
Из каждого минутного простоя,
Пытаясь что-то выудить живое.
Но лабиринт придуман был не зря.

Бежит по рельсам кру/гом в никуда
Трамвайных тел железная орда,
Вскрывая на ходу гармошки-двери.
Вот так добычу ожидают звери,
Так в чёрную дыру глядит звезда.

Безумная мелодия сама
Включается, колотится в дома —
Всё заросло мобильной паутиной.
В ней бьётся крик далёкий журавлиный,
И детский голос: «Мама, мама, ма...»

Херувим

Памяти жертв крушения *Boeing-777 над Украиной*

Где-то в просторах высот беспредельных
Еле слышим, неуловим,
Рвёт стратосферу стрелю прицельной
Дюралюминиевый Херувим —
Лайнер крылатый и рукотворный.
В чреве спрессованы сотни людей.
В небе рыдают валторны
Сквозь голоса детей.
Вот просвистело мгновение мимо,
Кровью омыло окно.
Сколько отпущено жить Херувиму,
Столько и детям дано.
Вечной любовью их Смерть полюбила.
Что это было?
За что это было?

Включаю дождь

Внимание! Отключаю зной, включаю дождь.
Нет, пусть это будет такой основательный ливень,
Идёт себе на уме – свободен, красив, хорош!
Теперь он везде – в босоножках, в цветах,
В кабине хозяйственной «Нивы»,
В твоём мороженом, тающем на ходу,
В каждом закрытом-открытом подъезде,
В твоём личном уютном домашнем аду,
В любви, ненависти, в женихе, невесте.
Меняю то, чего нет, и не было никогда,
На ветер меняю, на вздохи гулящей бури.
Ещё лучше, если в ответ упадёт звезда,
Какая-нибудь безжалостная Принцесса Нури.
Океан расплещет солёный тяжёлый стон,
Сомкнутся Атлантика и Эвксинский Понт.
Отключаю зной,
включаю глубоководный сон.
Иду ко дну.
Нет – улетаю
за горизонт!

Женщина и плотник

(драма)

Деловая женщина в розовых трусах,
С телефоном в ухе, с розой в волосах,
Шествует по улице – разговор журчит,
Это вам не шоу конченных «Кончит»!
От картинки млеет плотник на «лесах» —
Ах, какая женщина в розовых трусах!
Женщина уходит – ах, какой пассаж!
Плотницкий скукожился, съёжился кураж!
С неба зной струится – жарко на «лесах»,
И работать надо.
Но стоит в глазах —
Женщина!
Ах, женщина
с розой в волосах!

Война, война...

Надкусанное яблоко горчит,
Питая душу ядами познания.
И каждому в мозги пристроен чип
Невинности и ожидания.
О ком звонит подсолнух полевой?
О соловье, рискнувшем головой,
Поющем в первый день цветенья липы
Сквозь сон и смерть,
И канонады вой,
и матерей проклятия и всхлипы.

Боец – ну, да, наверно, молодец!
А пуля-дура выберет ребёнка!
Горяч, бездушен, но и зряч свинец,
Ведь рвётся там,
где тонко.

Серебряная нить

В просторах лета детство заблудилось —
ромашками повисли голоса.

Телега едет, в пыль роняет силос,

Ворует мёд янтарная оса.

Веранда солнцем яростным прогрета.

Июль лежит котом вдоль половиц

И видит сон, где девочка-комета

Ему для игр насыпала синиц.

И время спит. И я во сне уснула.

Июльский мир – в матрёшке облаков.

И день спешит в бессмертный Закоулок

Тупых Царей и умных Дураков.

Превосходящий всех их, вместе взятых,

Ленивый кот и ухом не ведёт.

Оружие забросили солдаты,

И – в поле, собирать цветочный мёд.

Там девочки давно сидят в ромашках.

Там хорошо – в июльской стороне!

Там бабочки, стрекозы и букашки.

Там сон во сне.

Я там и здесь.

Серебряная нить

пока ещё удерживает груз.

Не вздумайте меня будить, будить, будить...
Я не вернусь!

В пустыне

Где только я ни скиталась, о Господи Боже!
В старых домах деревянных, в кошачьих дворах,
В сёлах заброшенных, словно близняшки, похожих,
Словно матрёшки, друг в друга роняющих страх.
Времени было отпущено – воз да большая тележка.
Все небылицы цеплялись за спицы колёс —
Бабы Яги, Змей Горынычи, ёжки да пешки,
Пчёлы-солдаты и стаи озлившихся ос.
Встанешь, затихнешь, и сгинет фантом небылицы.
Что ж ты напрасно бредёшь? Всё бесследно ушло.
Лишь в облаках проступают любимые лица,
Дом бессловесным забвеньем давно занесло,
Сердце опутали Дантовы птицы и змеи.
Тайное слово напрасно мерещилось мне.
Божье прозреньё скрывать от себя не посмею —
Мир одинок небывало,
как Странник во сне.
Съёжились люди
в кусочки шагреновой кожи.
Что я искала? – скажи мне,
О, Господи Боже!

Свои и чужие

Как пряник и пирог, всё время нас делили
Товарищ Умник – наш, а тот идейно чужд.
И всё же распилили, помельче распылили —
удачно приспособили для нужд.
Потом искали скрепы на грядках возле репы,
Но скрепы не желали проклюнуться на свет.
Уж, как ни стали думцы законами свирепы,
А ни единой скрепы – как не было, так нет!
Разъединить легко, соединить – непросто!
И вот он лозунг наш – как прежде, судьбоносный:
«Колонна номер пять, палата номер шесть!»
Да, выбор не богат!
Но что уж есть – то есть!

Кто там?

Я встану днём, поскольку ночь сбежала
Гюрзой пустынной, странницею зла.

Погладила расчетверённым жалом

И уползла.

Кругами рая вскинувшийся город

Стучит в окно и требует любви.

Он, как зипун состарившийся вспорот

Вестями на крови.

И что с того, что каждый твой приятель

В бетон замешан пылью вековой.

Он всё равно любезен и приятен

И знает всё о Третьей Мировой.

Поговорим о пятом и десятом,

Держава, дескать, нынче хороша!

Мелькнёт над нами в облаке измятом

Какая-то заблудшая душа.

Приятель скажет – Ангел!

Всё быть может —

Я спорить не намерена совсем:

Когда-то динозавром станет ёжик,

Кто был ничем, тот снова станет всем.

Запахнет воздух молнией ванильной,

И туча кремом ляжет на карниз.

Жить просто так – наверно, это сильно!
Но кто ж там, всё же,
в облаке завис?

На рассвете

Рвёт бетонные джунгли соловьиный разбойничий зов —
Недобитый звонарь хулиганит сигналкой машины.
Трёхсотлетний дедок вспоминает, как брали Азов,
На асфальте стенают несчастные толстые шины.
И когда первый луч этот студень навывлет пробьёт,
Ошалелый народ побежит добывать пропитанье.
Сердобольная дама достанет из сумочки йод
И помажет коленку трудящейся честной путане.
А свиной олигарх нелюбимой семье для затравки
Кружевные прикупит торты и алмазные плавки.
И покатится день тем же самым – своим чередом.
Напряжётся учёный и, может быть, станет котом.
И ответственно сядет чиновник за плюшевый стол.
Дятлы будут долбить, из дупла выковыривать пчёл.
И какой-то наградой, давно и навеки прошедшей,
Добрый Ангел удобрит
юродивых
и сумасшедших.

Даёшь самодержавие!

Друзья мои, напрягитесь и вспомните —
Владимир Ильич анализировал Плеве.
Если сейчас хорошо поискать в комнате
И обозначить вождя искомым,
Сегодня наш Ленин – конечно, Пелевин!
Как он блестяще прошёлся по насекомым!
И вот наступила революционная эпоха.
Без Ленина не удаётся крепить революционный шаг.
Без Пелевина – вообще всё из рук вон плохо!
Вроде, и ничего, но всё-таки – как-то не так!
Даёшь самодержавие – это сегодня главное!
Держава – она и в Африке держава!
Пелевин – наш Ленин сегодня!
Ну, вот и славно!

Политика

Есть, говорят, на свете страшная тайная сила —
Чудище, что всех бы съело, сжевало, скосило.
Оно, дескать, это ужасное чудище тайное —
Животное индивидуалистическое, не стайное.
Правит миром исподтишка – неведомое никому,
Но эффективное – будь здоров!
У каждого всем управляет в дому,
Ест человечину, не побрезгует парой коров.
Только ты о нём не рассказывай никому!
Никому,
никому,
никому, никому!
И даже, когда оно тебя станет есть,
Кричи: «Я хороший! Почту за честь!»

Узнице ХХ1 века Евгении Васильевой

Каждый, кто мнил себя самого поэтом великим
(А великим себя навеличивал каждый),
Страстно мечтал объявить собратьев заиками —
Закопать их надёжно, достойно, многожды.
И вот готова большая Яма имени Мандельштама,
Большая Яма имени поэта Есенина.
Размножена и расцвела культура убойного штамма,
Вот она съела творцов – всех,
включая Ленина.
А теперь, куда бежать-то – творцов миллионы!
Никаких штаммов не хватит на каждого гения,
Никакой самой обширной и строгой-престрогой зоны!
Творцом себя мнит даже гражданин Евгений!

Украина – перемирие

Все присягают миру, но война продолжает ход.

Город Счастье сегодня подвергнут обстрелу.

Чей же, всё-таки, это военный поход?

Чьи это молнии, эти железные стрелы?

Кто эти «гунны», пославшие смерть городам?

Где они прячут клыки и рога, и копыта?

Где же ты, Господи, и твоё справедливое: «Аз воздам

Хищникам, сделавшим Землю кровавым корытом!»

Кажется, даже себя продадут за бараний клочок,

Кажется, жрать собираются вечно, бессрочно.

Где ты, Природа и твой милосердный Волк?

Что уж мечтать о Добре и подобном прочем.

Было ли имя моё...

Как оно значилось, имя моё,
я и вспомнить теперь
не могу —
Град Огнеград или даже Мохенджо-Даро.
Помню жемчужные розы цвели на крутом берегу,
Да в синеве океана качалась влюблённая пара —
Люди, а может, дельфины мелькали вдали,
Или русалка с её женихом – утопленцем.
В кружево неба невольницы Время навечно вплели
И уложили к ногам Божества полотенцем.

Там, в этом свитке,
лежит невозвратная прошлая жизнь —
Ей не воскреснуть, не выстрадать даже минуты.
Там – Огнеград,
улетевший синицей в небесную высь,
Город, презревший навек притяжения путы.

Там, в этом свитке
по улицам дымным и жарким моим
Бродит царевна, ища Божество Милосердья.
Я – Огнеград, я – летучий земной Аркаим.
Ну, а впрочем – всё это не так.

Вы рассказам и сказкам не верьте!

Прошлого нет —

может, люди вчера народились на свет.

Было ли имя моё,

да и прочее – было ли, было?

Мир существует?

А, может быть, нет,

Нет,

Нет!

Помню только – царица

кого-то уж очень

любила.

Термиты

Иногда ужаснёшься – кто это рядом со мной?!
Злы бегуны – Золотого Тельца воспевалы:
Нож приготовлен у каждого – за спиной,
Речи – гремящие жестью кимвалы.

Когти стальные да скрип в кошельке монет,
А на груди, возле сердца, прячется зуб
ядовитый.

Кто это рядом со мной?

Никого нет,

нет,

нет!

Строят надгробие миру
термиты.

Эффект Какашкина

Когда несчастье прыгнет, словно рысь,
Поэзия поднимет ввысь на крыльях Духа
А господин Какашкин стащит вниз —
В полглаза видит он, а слышит в четверть уха.
В любом из нас изъян всегда найдёт,
И сообщит немедленно и сразу.
Вы – музыка ветров, движенье вод?
А для него – ворчанье унитаза.

Закон бумеранга

Грабли разложены всюду, куда ни пойдёшь —
Грамотно, чётко, а главное, неравномерно.
Кто ж это так исковеркал прямые пути?
Враг или пьяный злодей из соседней таверны?
Думаешь, мыслишь — то эдак, и то и вот так,
И неожиданно вдруг уличаешь себя в лицедействе:
Это же я в пароксизме убойных атак
Грабли оставил
и напрочь забыл о злодействе.

Колобок

Наступает июль. Пора стрекоз, бабочек и цикад.
Циферблат вселенной вершит круговое действо.
Солнце катит на запад свой золотой самокат.
Спешит домой кривоногий заботник – отец семейства.

Глаза его – всё ещё держат надежд малахит.
Многие дни – впереди, вечера хороши и янтарны.
Вот он бежит, а в наушниках – новый хит,
Да и сам он неплох – лысоват, но ещё не старый.

Молодец, хоть куда – дома трое по лавкам ждут.
И жена у него хороша – толстопята и расторопна.
Нет, не каждый сумел вот такой отстоять редут —
Дом и сад, и картошку с грядой укропа.

Вот он, правильный, умненький, розовый Бог земли.
Цель его достижима, ясна, прекрасна.
А то, что из него, захотели – и колобок испекли,
Он не узнает.
И в этом его счастье!

Мир устал

Продаются с экрана ошмётки войны —
жесть от «Воен-ТВ».

Кадры, ракурсы, чьи-то слова и слёзы.

Всё перемешано в кучу в чьей-то больной голове.

На тротуаре, залитом кровью – красные розы.

Экран – волшебное не настоящее,

но всё же окно-кино,

Кидает тебе сквозь стекло чужие разбитые жизни.

Кипит война.

Где-то бродит в подвалах молодое вино.

Расцветает кувшинка,

размножаются птицы и слизни.

Мир устал, потерялся в безумии.

Мир одряхлел.

Под ногой расползаются вдрызг параллели.

Кто-то движется в небе —

армада на волю отпущенных тел.

Только тел —

ну, а ду/ши они сохранить

не сумели.

Моя медитация Мао

Спрячусь в самый дальний пещерный дзен-дацан.
Мысленно заварю крепчайший кофе.
Мысленно попрошу: «Мао Цзедун-сан,
Помоги вере моей, ты ж величайший профи!»
И услышу голос Великого Кормчего: «Да!
Заходи. Захвати кофейку для сладчайшей беседы».

Будем сидеть за низким столом, будет петь вода
где-то в глубинах пещеры.

Припомнятся Веды,
Библия, Тора, Коран, Иисус, и пророк Магомет.

Просветлённый и сильный, мудрый красивый Будда
Белым лотосом расцветёт в океане лет.
Слава Великому Кормчему за великое чудо!

Я и раньше думала именно так:
Мао Цзедун-сан – реинкарнация Будды!

Ну, держись теперь, воинственный мир-чудак —
старикашка злобный, жадина и зануда!
Ты преступил все Законы Дао!

Слава Великому Кормчему Мао —
Марксистскому воплощению Будды!

Цивилизация «Земля»

Личинки звёзд повисли в чёрном шёлке —
Их паутина нашей не чета!
Мы – колбаса в занюханной кошёлке.
Мы просто в бойню загнанные волки,
Не понимающие ни черта!

Здесь нет давно ни севера, ни юга —
Стена к стене приштырены упруго.
Рассеян и кровав убойный свет.
Мы скалим зубы, шкуры рвём друг другу,
Потом гордимся запахом побед.

Православным

Запрячусь в июле в ничейные дальние дали,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.